

УДК 398.3

И.А. Швед, М.С. Ковалевич

О СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КОДОВ МИФОПОЭТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БЕЛОРУСОВ

В статье представлены некоторые результаты научно-исследовательской работы «Структурно-типологические параметры кодов мифопоэтической картины мира белорусов (по фольклорным записям XIX – нач. XXI вв.)», выполняемой в рамках Государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство» на 2011–2015 гг. по заданию «Народное творчество в социокультурных условиях современной Беларуси: региональное многообразие и межславянские связи фольклора и постфольклора» (госрегистрация № 20140200 от 14.03.2014). В результате структурно-типологического анализа семиосферы мифопоэтических текстов белорусской традиции установлено, что основными составляющими комплекса концептуальных кодов мифопоэтической картины мира белорусов являются коды: атрибутивов, действий, времени–пространства, космографический (включая метеорологический), ландшафтный, субстантивный, персонажный, растительный, зооморфный, соматический.

Введение

В области изучения мифопоэтического мышления, символики белорусского фольклора накоплено уже такое значительное количество фактов, что более остро ощущается потребность в переходе от описательных методик к аналитическим. Один из актуальных вопросов отечественной и зарубежной фольклористики касается выявления корпуса концептуальных кодов традиционной мифопоэтической картины мира, их компонентного и структурно-типологического анализа. Его решение предполагает осуществление теоретического анализа проблемы классификации кодов культуры в фольклористике и смежных дисциплинах, выявление перспективных тенденций структурно-типологического описания кодов мифопоэтического мышления; установление максимально возможно полного корпуса концептуальных кодов, дифференцированных на основе признаков, относящихся к сфере реальности, описываемой или используемой мифопоэтическими текстами белорусской традиции; компонентный и структурно-типологический анализ вычлененных кодов. Цель данного исследования – попытка решения названных задач с использованием семиотического метода, методов идеализации, абстракции, структурно-типологического анализа, синтеза.

Понятие «код». Классификация кодов культуры

В работах по фольклористике и смежных с нею дисциплинах понятие «код» используется широко и разработано на довольно высоком научном уровне. Наиболее пристальное внимание понятию «код» уделено в семиотике – «науке о коммуникативных системах и знаках, которыми в процессе общения пользуются люди (и не только люди, но и животные или машины)» (Ю. Лотман), классиками которой являются философы, логики, математики (Дж. Локк, Чарльз С. Пирс, Чарльз У. Моррис, У. Эко), психологи (Л.В. Выготский, Н.И. Жинкин, Ж. Пиаже), антропологи, этнологи (Б. Малиновский, К. Леви-Стросс), историки религий, культуры и искусств (А.Ф. Лосев, П.А. Флоренский), литературоведы (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), лингвисты (Ф. де Соссюр, Р.О. Якобсон, В.В. Иванов, Н.Б. Мечковская, Б.А. Успенский). Это, на первый взгляд, исключает необходимость обоснования понятия «код» дополнительно. Но имея в виду и отсутствие общепринятого определения кода в работах фольклорно-антропологиче-

ского и семиотико-лингвистического направлений, и решение наших дальнейших задач, связанных со структурно-типологическим описанием кодов мифопоэтического мышления, мы рассмотрим этот термин, эксплицируя и систематизируя основные известные положения, описывающие код в целом, и сделаем это, опираясь на наработки фольклористов, лингвистов, этнологов, культурологов, философов, в первую очередь современных (А. Байбурина, Е. Березович, В. Красных, К. Леви-Стросса, Г. Левинтона, Ю. Лотмана, С. Санько, Н. Толстого, С. Толстой, Т. Цивьян, У. Эко и др.). Здесь нет возможности привести все существующие точки зрения на эту проблему – речь идет об общей характеристике ситуации.

В современную фольклористику (шире – культурную антропологию) и этнолингвистику «код», как известно, пришел из арсенала терминов и положений теории информации и коммуникации, в рамках которой он обычно дефинируется как система правил, позволяющая переводить сообщение из одной формы представления в другую, как заданная система знаков и их значений вместе с правилами комбинации знаков. Код, лежащий в основе всякого коммуникативного акта, – это структура, представленная в виде модели и выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего [1, с. 67].

В семиотике, учитывающей опыт приложения теории информации к явлениям культуры, а также наукам, использующих семиотический метод, понятие «код» как набор знаков, служащих для выражения некоторого содержания, построения сообщений, сближается с понятиями «язык», «знаковая система», «семиотическая структура» (код противопоставляется сообщению как язык речи). В литературе широко дискутируется возможность отождествления искусственного кода и естественного языка (которые обычно противопоставляются по признакам «закрытость/открытость» и «гомогенность/негомогенность»). В исследованиях по культурной антропологии, этнолингвистике, мифологии и фольклористике, в первую очередь работах перечисленных выше исследователей, названные понятия нередко используются как синонимы. Очевидно, что это мотивировано во многом тем, что код трактуется как система соответствий между формой и содержанием, в которую «встроены» и сами символы. Между тем, согласно Ю. Лотману, «термин “код” несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью» [2, с. 15], в отличие от языка с его «естественным» происхождением и более запутанным характером условности (здесь использование кода не всегда носит осознанный характер; участники коммуникации подчиняются правилам языка безотчетно, не ощущая своей зависимости от навязанной им жесткой системы правил)» [2, с. 15]. «Язык – это код плюс его история», – пишет Ю. Лотман в предисловии к своей книге «Семиосфера». Мы считаем, что в отношении функционирования кодов фольклора, обряда (кодов мифопоэтического мышления) не приходится говорить об искусственности в смысле «мгновенной договоренности». Хотя Ю. Лотман указывает на небезопасность подмены термина «язык» термином «код» (поскольку последний, по мнению ученого, не подразумевает истории), когда мы говорим о кодах мифопоэтического мышления, то их «естественность» и «подразумеваемые истории» (в смысле традиционности, своеобразной мифопоэтической обоснованности семантических связей донорской и реципиентной областей) не вызывают сомнения. Отсюда следует, что в отношении названных кодов возможно синонимическое использование терминов «язык» (символический) и «код» (сравним: язык цвета и цветовой

код, язык деревьев и дендрологический код, язык чисел и числовой код, язык предметов и предметный код, язык ландшафта и ландшафтный код, язык запахов и одористический код и т.д.). Различные семиотические воплощения модели мира, согласно Т. Цивьян, С. Санько, Т. Володиной, В. Лобачу, С. Толстой, И. Швед, координируются между собой благодаря активизации специальных механизмов перекодировки, уподобления–расподобления, характерных данной культуре. В различных вариантах переплетения концептуальных кодов (в частности, астрономического, дендрологического, персонажного, предметного) прослеживается ориентация на представления о глубоком единстве человека и Космоса. Примером тому могут быть щедровка: «У полю-полю свіцёлка стоіць... // А ў той свіцёлцы тры оkenocki... // В пэршым оkenцы – ясны місяцік, // В другім оkenцы – ясны соньчык, // В трэцім оkenцы – ясны зіронькі... // Ой, шо місяцік, той господарык, // Ой, шо соньчык, той госпodyнька, // А шо зіронькі, то то іх діткі...» [3; Бездеж, Дрогичинский р-н], волочебная песня: «Пасярод двара маладога Пятра. // Вырас дубок тонак, высок. // З-пад таго дубка узышла зорка, // З-пад той зорачкі ўзышлі звёздачкі. // Ёсць той дубок – Іванка-сыноч, // Ёсць тая зорачка – яго жоначка, // Ясныя звёзды – яго дзетачкі» [4, с. 233].

Коды культуры могут классифицироваться на основе: 1) дифференциации фактов, относящихся к миру социальных связей и условий обитания, систематизации культурно маркированных ощущений; 2) признаков «простота vs сложность»; 3) способа выражения значения и характера смысловой нагруженности; 4) общности плана выражения (субстанциональные коды – предметный, вещный код обряда, персонажный, вербальный код и т.д.) и смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла (концептуальные коды). Коды обряда классифицируются по: 1) характеру субстанции плана содержания (мифологический сюжет, изложенный на языке космологическом, охотничьем, аграрном и т.д.); 2) субстанции плана выражения (музыкальный, жестовый, хореографический, словесный и др. коды); 3) форме плана содержания (свадебный код в погребальном обряде или погребальный код в свадебном, когда «цитируются» целые тексты или крупные фрагменты обряда); 4) форме плана выражения (разные «жанровые» и стилистические разновидности одного субстанционального кода, например, для словесного кода – прозаический, стихотворный и песенный коды, для акционального – жестовый и хореографический и т.п.) (А. Байбурин, Г. Левинтон [5], С. Толстая [6]). Базовыми кодами культуры считаются духовный, пространственный, соматический (телесный), временной, предметный, биоморфный [7] (подробнее в [8]).

Мы трактуем код как средство традиционного моделирования мира на основе его познания, оценки и описания посредством соответствующих символов, включенных в определенную систему отношений. Важнейшими свойствами кодов культуры, как традиционно отмечается в литературе вопроса, выступают конвенциональность, субстанциональная однородность, вторичность, системный, групповой характер (это свойство и докодовой, и кодовой организации знаков). Проведение структурно-типологического анализа кодов может базироваться на выделенных У. Эко наиболее важных в этом плане понятиях и допущениях:

1. Отношение код–сообщение. Всякая коммуникация осуществляется в той мере, в какой сообщение может быть декодифицировано на базе заранее установленного кода, общего для отправителя и для получателя.

2. Наличие осей выбора и комбинации. С этими двумя осями связана, в конечном счете, идея двойного членения языка, коммуникация возможна при том условии,

что единицы первого членения складываются из единиц второго членения, менее многочисленных, предусмотренных репертуаром кода и наделенных позициональным значением, связанным с их положением в системе.

3. Предположение о том, что всякий код базируется на других кодах, более элементарных, и что путем последовательной перекодировки всякое сообщение может быть сведено к единственному и первоначальному коду, который «составляет истинную структуру всякой коммуникации, всякого языка, всякой культурной деятельности, всякого акта сигнификации, от артикулированного языка до тех гораздо более сложных синтагматических цепей, каковыми являются мифы, от словесного языка до языка кухни или моды» [1, с. 309–310]. В основу такого анализа может быть положено то, что К. Леви-Стросс определил как специфику структурализма (в отличие от формализма): структурализм отказывается противопоставлять конкретное абстрактному и признавать за вторым преимущественное значение. Форма определяется в противопоставлении к чуждой ей материи, но структура не имеет обособленного содержания; она сама является содержанием, заключенным в логическую форму, понимаемую как свойство реальности [9, с. 9]. Что касается степени условности связи обозначаемого и обозначающего, то она отлична для различных эпох. «Если для средневекового человека система значений имела предустановленный характер, а вся пирамида знаковых соподчинений отражала иерархию божественного порядка, то в эпоху Просвещения знак, воспринимаемый как квинтэссенция искусственной цивилизации, противопоставлялся естественному миру не-знаков. Именно в эту пору была обнаружена условность, немотивированность связи обозначаемого и обозначающего. Ощущение релятивности знака проникает очень глубоко в структуру культурного кода» [2, с. 412–413].

Классификационные модели некоторых концептуальных кодов мифопоэтической картины мира белорусов

Проведенный нами структурно-типологический анализ белорусского фольклорно-этнографического материала (по фольклорным записям XIX – нач. XXI вв.) позволяет утверждать, что основными составляющими корпуса концептуальных кодов мифопоэтической картины мира белорусов являются коды: атрибутивов, действий, времени–пространства, космографический (включая метеорологический), ландшафтный, субстантивный, персонажный, растительный, зооморфный, соматический [10].

С помощью методов идеализации, абстракции, анализа и синтеза нами выявлены основные синхронно-типологические классы (типы) элементов некоторых из названных кодов. Аналитическое расчленение формальной целостности знания об атрибутивном коде и последующий концептуальный синтез его наиболее устойчивых составных частей и внутренних связей позволили разработать классификационную модель этого кода. Данный код включает системообразующие элементы, связанные с семиотизацией:

а) свойств и признаков человека и животных (черты физического облика: цвет волос, глаз; у животных – шерсти, у птиц – оперения); уродства: отсутствие частей тела (рук, ног, пальцев, глаз, ушей, носа, волос) либо их излишество (шесть пальцев, два ряда зубов, слишком большая, твердая (из металла) грудь у женщин, большая волосатость); непропорционально сложенное тело (горбатость, кособокость, большая голова, слишком длинные либо короткие руки и ноги, кривые, вывернутые коленями назад ноги, вывернутые ступни, ожирение либо слишком большая худощавость), телесные, психические аномалии типа слепоты, косоглазия, глухоты, немоты, перекошенного рта, сросшихся пальцев, «заячьей» губы, хромоты, горбатости, умственных отклонений);

сверхъестественные свойства и способности – оборотничество, двоедушие, дурной глаз, ясновидение;

б) чисел и порядка (1–13, 30, 33, 40, 77, 100, 300, первый, последний, четный, нечетный и т.д.);

в) цвета (белый, красный, черный, зеленый, синий, желтый, серый; реже другие);

г) иных признаков, составляющих бинарные оппозиции: пространственных («правый/левый», «верхний/нижний», «внутренний/внешний», «передний/задний», «открытый/за(по)крытый», «связанный/развязанный»); временных («светлый/тёмный», «дневной/ночной», «ранний/поздний (вечерний)») и других («полный/пустой», «босый/обутый», «голый/одетый (в полный костюм)», «целый/сломанный», «простой/кривой (обратный)», «мужской/женский», «старый/молодой (новый)», «свой/чужой», «сырой/вареный», «ясный/хмурый», «видимый/невидимый» (например, «дабрахожыя» – невидимые, «скрытые», «тайные» люди, невидимые двойники «видимых» людей) и т.д.).

Атрибутивный код очень тесно связан с многими другими концептуальными кодами, имеет общие составляющие с соматическим (большинство элементов пункта «а» и ряд элементов пункта «г» входят в оба кода), с пространственно-временным, числовым и др. кодами. Более того, многие коды возможно трактовать как подкоды атрибутивного кода, в частности, цветовой, числовой и др. Анализ фактического материала показывает, что код действий (акциональный код) включает системообразующие элементы, связанные с:

1) семиотизацией следующих хозяйственных действий:

а) земледелия (обжинать, окучивать, бороновать, дожинать, жать, зажинать, закладывать овощи, зерна на хранение в погреб, амбар, квасить, мочить, мариновать, молотить, молоть, пережинать, полоть, сажать, сеять);

б) животноводства (отеляться, вестись, выгонять, доить, запрягать, распрягать, случать, пасти домашних животных, плодиться, производить убой скота, птицы, ощипывать птицу);

в) рыболовства и охоты;

г) ремесел: ткачества (прясть, ткать, сновать), плотницкого и строительного дела (закладывать печь, дом, строить дом, приносить жертву, вселяться в дом и др.), гончарства, кузнечного дела;

2) ритуальными, семиотизированными утилитарными физическими действиями (бежать, бить, будить, белить, бриться, варить, вить, водить, волочить, выворачивать (одежду), вешать, вывешивать, выгонять, выливать, выкидывать, выкупать, измерять, высасывать, высекать, выслеживать, вытряхать, выдавливать, вычесывать, закапывать, запаривать, связывать, сметать, выметать, обметать, выпекать, выжигать, вытирать, вертеть, гнуть, изгонять, кататься (на качелях, санях, конях, по земле), катать, качать, колоть, кормить, кидать, красть, крутиться, крутить, кувыряться, купаться, купать, копать, кропить, ломать, мазать, махать, мять, выкачивать, давать/брать, дуть, ездить, завивать, закапывать, закрепивать, заламывать, опахивать, обвязывать деревья и предметы, обливать, обмазывать, обмывать, обсыпать, обходить, обувать/разувать, оббивать, отбирать (молоко, спор, плодородие), оставлять, отгрызать, откидывать, относить (чтобы задобрить духа), огораживать, окружать, опоясывать, одевать, освящать, связывать, сливать, смахивать, считать, перебрасывать, пересчитывать, подкидывать вверх, подкладывать предметы, подкуривать, подменивать, подпрыгивать, одалживать, покрывать, пугать, переодеваться, передавать предметы, перебирать, выбирать, переворачивать предметы, перевязывать, передавать, переливать, выливать, переправляться че-

рез воду, переступать, переходить, сторожить, проважать, продавать, пролазить, проращивать, протягивать, прибывать к твердой поверхности, прибирать, чистить, портить, прятать, пускать по воде, разбивать, разбрасывать, развеивать, развязывать, раздавать, рвать на части, резать, разрезать, сечь, засекают, скакать, стелить, стрелять, стричь, сжигать, прижигать, останавливать, встречать, танцевать, топить в воде, втыкать, угощать, укрывать, ходить, целовать, шить);

3) обычаями, играми, игрищами, хороводами («Жаніцьба Цярэшкі», «Яшчар», «Стрылка» и др.), обрядами (календарными, семейными, окказиональными) и их типами (обряды посвящения, обходные обряды, очистительные обряды, бесчинства, гадания, любовная магия, ритуальное изгнание, заманивание, кормление и др.);

4) формами речевого поведения, вербальными ритуалами и действиями (озвучивать, божиться, величать, приветствовать, причитать, дразнить, заманивать, запрещать, заклинать, задабривать, заговаривать, благожелать, приглашать, звать, откликаться, отзываться, проклинать, корить, молиться, молчать, обманывать, предсказывать, приговаривать, угрожать, прощаться, ругаться, петь, смеяться, свистеть, хвалить, шептать, звукоподражать, диалог-ритуал, заумь, ритуальная речь, кашель);

5) событиями (обмирание, блуждание, грехопадение, дефлорация, игра солнца, затмение, землетрясение, инцест, рождение, кража, смерть, война, убийство, самоубийство, встреча, разлука, сон, чудо (в том числе чудесные творение, исчезновение, провалище, метамарфоза, открытие источника и др.), болезнь, пожар, потоп, ссора, примирение, вознесение, воскресение, вдовство и т.д.);

б) запретами (связанными с местом-временем, видами деятельности, неординарными природными и жизненными событиями, переходными состояниями, отношениями человека с нечеловеческими формами жизни и др.).

Подчеркнем, что множество перечисленных актов исполняется как в ритуализированных, так и неритуализированных ситуациях, повседневные утилитарные действия получают культурную семантику (сравним: «будзіць нябожчыка, “ездзіць па лён” (катацца на конях на Масленіцу), абвязваць дрэвы, карміць скаціну, пераапрацацца на Каляды, ткаць “абыдзённік” (палатно), “хадзіць у жыта” ў вясенне-летні перыяд»), семиотизация событий тесно связана с метеорологическим (шире – космографическим), персональным, пространственно-временным и иными кодами.

Основными компонентами кода времени (календарно-хронологического кода) являются такие концепты (ментальные сущности) культуры, как начало и конец, первый и последний, век (человека), годовое, недельное, суточное время. В традиционной картине мира выделяются природное время и жизненное (человеческое) время, «век». Причем понятие «век» используется не только в отношении всего идеального жизненного цикла, всей жизни от рождения до смерти, но и отдельных его периодов (А. Байбурин) – «дзявочы век», «удовін век», «бабін век як макаў цвет» («короткий»), «Бабы век – сорок лет» [3; Микитск, Дрогичинский р-н]. Возраст делит век на определенные стадии. При этом стадия наиболее полной реализации жизненных сил, взрослости, противопоставляется детству и старости (Г. Кабакова); сравним: «Діўка, бы ружа, хороша ў час квіту, а пасля квіту ўсімы забыта» [3; Хомск, Дрогичинский р-н].

Систематизация, инвентаризация семиотических явлений, связанных с трактовкой времени, по структурным признакам позволяют разработать классификационную модель кода времени. Кроме названных выше концептов «начало» и «конец», «первый» и «последний», «век человека», в нее входят:

1) годовое время: «год, поры года (вясна, лета, зіма, восень), гадавыя перыяды (Адвент, Вялікі пост, Каляды і інш.) і каляндарныя даты (святы, прысвяткі, шанаваныя дні), асобныя месяцы, квадры месяца: а) “маладзік” – навалунне, першая фаза месяца-вага цыклу; б) “поўня”; в) “ветошка” – месяц убывае; г) “перамена”, “чэрнэць” – час, які папярэднічае нараджэнню новага месяца, калі нябачна месяца»;

2) недельное время: «тыдзень; дні тыдня (панядзелак, аўторак, серада, чацвер, пятніца, субота, нядзеля» и их персонификации), дни «мужчынскія і жаночыя, добрыя і злыя (цяжкія, нешчаслівыя), посныя і скаромныя, першыя/апошнія», дні, на якія выпала адно з гадавых нерухомах святаяў, у першую чаргу Ражджаство, Галодная куцця, Благавешчанне»;

3) суточное время: «суткі, раніца/дзень/поўдзень/вечар/ноч/апоўнач/усход/заход сонца – часавы рубеж); рабінавая (вараб’іная) ноч; гадзіны і хвіліны добрыя і злыя».

Все перечисленные элементы, выделенные в жизненном и годовом, недельном, суточном времени, получают особую мифологическую, магическую, символическую и оценочную трактовку. Организация кода времени происходит согласно традиционным идейно-ценностным принципам (с учетом сакральной ритмики объединения календарных периодов, хозяйственной и ритуально-праздничной деятельности), мифологическим представлениям о числовых связях, особенностям оценки (которая, как правило, не является общей, а проецируется на конкретику ситуации) определенных отрезков времени вплоть до минут. Для белорусской народной традиции характерно пространственное восприятие времени (хронотоп): прошлое мыслится как оставленное позади, а будущее ждет впереди. День пути выступает мерой относительно большого расстояния.

Пространственный код традиционной мифопоэтической картины мира белорусов формируется следующими комбинациями (обычно оппозициями) таких простейших элементов, как правый и левый, передний и задний, внутренний и внешний, верхний и нижний, далёкий и близкий, открытый и за(по)крытый, связанный и развязанный (сравним элементы атрибутивного кода), горизонтальный и вертикальный, полдень и полночь, восток и запад, центр и периферия, граница («мяжа»), а также включает такие единицы важного для традиционной духовной культуры смысла, как наоборот, назад, (переход) через, сквозь, над, (выход) за границу; реже встречаются иные.

Основные синхронно-типологические классы (типы) элементов космографического кода, посредством которого моделируется крупномасштабная структура «Сусвету» в целом, концентрируются, в основном, в двух условно разграниченных областях:

1) видимые и/или чувственно воспринимаемые элементы мироздания:

- а) небо,
- б) воздушное пространство,
- в) земля (поверхность земли);

2) мифические места (связанные с «чужим» миром: подземным, подводным, небесным, лесным, болотным и под.).

Отмеченная условность выделения двух основополагающих сфер космографического кода связана с мифологичностью народных представлений не только об объектах, отнесённых к пункту «2», но и «1», все же вторые (п. 2) значительно более «мифологичны». Космографический код включает системообразующие элементы, связанные с семиотизацией:

1) видимых и/или чувственно воспринимаемых элементов мироздания:

- а) «нябеснага свету»:

– неба,
– сонца (солярный подкод космографического кода),
– луны (лунарный подкод космографического кода),
– звёзд, планет, созвездий, комет («Малочны Шлях (Птушыны, Гусіны шлях), Чумацка дарога, Дарога святых, Вялікі слуп, Стан)», «Плеяды (Сіта, Рэшата, Паласазар, Кучкі, Купкі, Ключы Пятровы, Валоскі, Рашотка, Сямізьвёздачка, Стажары, Веночок, Букет Цветов» [11]), «Вялікая Мядзведзіца (Сахачы, Воз, Брічка, Аліяшова Павозачка, Ільлёў воз, Коляска, Калясніца, Карэц, Чаша, Сіта, Конь з вазом, Воз з медзвездзімі, Воз, Стажары)», «Малая Мядзведзіца (Каромысла, Вышэзар, Стожарье)», «Арыён» ці «Пояс Арыёна (Касары, Косы, Тры сястры, Карамысел, Матавіла, Чэпіга, Граблі, Асілкі, Тры каралі)», «Венера (Вечарніца, Воўча звязда, Зарніца, Заранка, Світальна зорка)», «Лебедзь (Пятрова палка, Цароў крэст, Крыж)» – планетарно-астральны подкод космографического кода);

б) воздушнага прастранства «між небам і зямлёй» как сферы прабывання душ і розных демолагічных персанажэй, «белага (божага) свету» вместе с природными явлениями – метеорологическая сфера, высокосемиотизированными реалиями которой выступают ветер, вихрь («падвей», «чортава вяселле»), град, гром, громовая стрела, дождь (в том числе грибной), засуха, затмение, землетрясение, игра солнца, иней, молния, мороз, пожар, потоп, радуга, роса, снег, тучи, эхо, а также персонификации отдельных атмосферных явлений типа ветра, вихря, мороза;

в) земли (поверхности земли);

г) стихий и веществ, соотнесенных с различными сферами мироздания (вода, огонь, воздух, камень, земля, песок (ср. «сырэбраны пясок – зоры» в загадках), металлы);

2) мифических мест («вырай», «край свету», «трыдзевятае царства», «Сіонская гара», «Залатая гара», «Татарскія горы», «той свет (засветы)», «Буян-востраў», мост (мифический, как «Калінавы мост», «ліпавы масточак 'неба', па якім кацяцца зоркі-каточки» (в загадках)), «выспа» (в заговорах, сказках), «святы горад» (Град) (в заговорах), «Тын-горад» (в колядных песнях), «Райгруд», мифические реки («вогненая», «Смуродзіна», «Чарналутка»), «чыстае поле» 'пустая зона', «мора», «акіян», «мора-акіян»). В широком поле различных контекстов элементы этой второй группы выступают одновременно составляющими ландшафтного кода, к примеру, когда гора локализуется в центре «двара гаспадара» (в колядных песнях). Космографический код очень тесно, значительно более других, связан с иными концептуальными кодами. В этом плане были бы интересны результаты сравнения астрономического кода с персонажным, предметным (хозяйственная утварь, воз), астрономов и антропонимов, зоонимов, фитонимов (сравним: «Зорнік» (*Veronica latifolia*), «Лугавая зара» (*Ranunculus acris*), «Зорная трава» (*Alchemilla*), «Зорны мох» (*Mnium*), «Звездчатик» (*Siderotes*) и др.).

Космографический код неразрывно переплетен с пространственным, в общих чертах возможна реконструкция пространственной схемы мироздания: центр/антропогенный (свой) мир – периферия – граница (вертикальная и горизонтальная система границ) – иной (чужой) мир (сравним тождества небо (солнце) = верх, подземелье (земля) = низ). Вообще, мы предполагаем, что не будет большим преувеличением трактовать большинство концептуальных кодов или их составляющих как элементы космографического. Например, ландшафтный код вполне может претендовать на роль (причем определяющую) подкода космографического кода, особенно когда речь идет о Мировой горе, Мировом древе, Мировой реке и под. «Востраў, даліна, гара, камень, пячора, крыніца, рака, возера, мора, нізкія вільготныя мясціны (балота, грязь)», выступая в качестве каналов связи между различными сферами мироздания, границ между тем и иным ми-

ром либо представляя определенную сферу мироздания, являются крупномасштабными структурнозначимыми элементами «Сусвету» и, соответственно, составляющими космографического кода. В контексте моделей мира – дендрологической, гидрологической, орологической, антропоморфной, зооморфной и под. – соответствующие коды (дендрологический, гидрологический, орологический и т.д.) выступают своеобразным метаязыком в отношении космографии. Важно отметить, что в «текстоморфной» традиционной культуре космографический код функционирует в неразрывной связи с мифологической космогонией и эсхатологией.

Основные синхронно-типологические классы (типы) элементов ландшафтного кода включают: 1) семиотизированные природно-ландшафтные реалии (природные элементы ландшафта); 2) семиотизированные культурно-ландшафтные реалии (антропогенные элементы ландшафта). Компонентный анализ названных типов элементов позволил разработать классификационную модель ландшафтного кода. Данный код включает системообразующие элементы, связанные с семиотизацией:

1) природного пространства:

а) леса, осинника, «гаю», «бору», «зарасцяў», «лазы», отдельно растущего дерева, лесного пожарища, опушки, поляны и др.;

б) гидрообъектов, в том числе «мифических» (болота, реки («Вялля», «Дзвіна», «Прыпяць», «Сож», «Дняпро», «Дунай», «Нёман», «Мухавец»), озера («Нарач», «Свіцязь», «Святое», «Стралкоўскае», «Князь-возера», «Жыд-возера», «Ольжанка», «Акно», «Чартова», «Дзедава», «Паганік», «Чорнае», «Белае»), источника (крыніцы «святых», «чортавы», «богавы», «Пяцінка», «Янава», «Добрая Вада», «Дзявіччы калодзеж», «Грамычы калодзеж», «Магдалена»), моря, моря-океана, брода, истока, «сутоку», «віру» и др.);

в) острова («выспа», «Алатыр», «Буян» в заговорах);

г) степи, долины, поля, которое сезонно бывает «гаспадарскім» («ніва», «надзел», «палетак», «чыстае поле», «Лён і Лянніца» и др.);

д) горы, «узгорка» (горы «Варганская», «Гарадзец», «Рагвалода і Рагнеды», «Юр'ева», «Валовая», «Бабіна», «Дзявіч-Гара», «Відушавя», «Лысая гара», «Залатая гара», «Святая гара», «Красная горка», «Белая гара», «Пярунка», «Царковішча» и др.);

е) камня («камянёў-следавікоў» – «След Багамаці», «Боскі след», «След св. Пятра», «След Міколы», «След Валатоўны», «Чортаў след»; камни: «краўцы», «шаўцы», «сцеберакскія», «чортавы», «Сцёп-камень» и др.);

ж) пещеры, рва («яра»), берега;

2) культурного пространства:

а) «хаты» и ее частей (дверь, «вільчак», крыша, матица, окно, очаг, печь, подпол, «покуць», порог, потолок, «камора», сени, стена, труба печная, чердак);

б) двора и бытовых, хозяйственных построек (амбар, баня, ворота, гумно, забор («плот»), колодец, мельница, мост, овин, стожар, улей, хлев, «дрывотня»);

в) сада, огорода, палисадника девушки со «свадебными» растениями;

д) дороги («гасцінец (біты)», «сцежка», «пуць», «шлях», «грэбля», «ростані»);

е) корчмы;

ж) поселения (дома) Бога, мертвых и живых людей:

– храма, «капліцы», «прошчы»;

– кладбища, склепа, могильника, «гарадзішча», кургана, «каменных магіл», «валатовак» («Дзявочая гара», «Замак», «Замкавая гара» и др.);

– деревни («вёска», «сяло»);

– города, страны («Брэст», «Вільня», «Давід-Гарадок», «Іерусалім», «Казань», «Кіеў», «Крым», «Магілёў», «Масква», «Наваградак», «Полацк», «Расія», «Украіна»).

В классификационную модель субстантивного кода входят:

1) орудия труда: «бёрда, барана, верацяно, вілы, граблі, кросны, матавіла, мерка, ніты, нажніцы, нож, пралка, праселка, сякера, грэбень, іголка, жорны, каса, пуга, кій, рыдлёўка, саха, серп, сетка, цвік» и музыкальные инструменты («дуда, звон, бубен, гармонік, скрыпка»);

2) домашняя и хозяйственная утварь и предметы быта («хатняе і гаспадарчае начынне»): «бочка, венік, вядро, вяроўка (нітка, вузел), галаўня, гаршчок, даёнка, дзяжа, дровы, замок, засланка, каромысел, карыта (начоўкі), качарга, ключ, калыска, кол, кола, коўш, крэмень і крэсіва, кудзеля, куфар, лава, ланцуг, лесвіца, лодка, лыжка, люстэрка, мех (мяшок), нож, падкова, памыі, пасцель, падушка, патэльня, попел, пудзіла, ручнік, рыдлёўка, рэшата, сажа, санкі, свечка, смецце, ступа і таўкач, хамут, хлебная лапата, чапяла, шкарлупа, шчотка, цадзілка, цялега»;

3) оружие: «булава, меч, сякера»;

4) одежда, украшения, обувь: «дзявочы вянок, стужкі, кажух, кашуля, пояс, спадніца, фартух, намітка, хустка, шапка, штаны, абутак (боты, лапці), саван, пацеркі, пялюшкі, пярсцёнак, пояс»;

5) пища: «аўсень, бліны, буркаўкі, віно, гарэлка, зелле (чароўнае, атрутнае, запаранае ў малацэ), квас, калач, капуста, кісель, крошкі, комы, каўбаса, курынае мяса, каша, куцця, малако, перац, піва, пірог, рыба (у тым ліку несалёная), соль, сыр, мёд (мёд-віно), хлеб (велікодны, калядны, памінальны, вясельны), хлеб-соль, цеста, «шышкі» (вясельная выпечка), яйка, яешня»;

6) культовые и ритуальные предметы, религиозные реалии («знадбені» с постоянно высоким семиотическим статусом): «абыдзённік, абярэг, воты, вянок (шлюбны, пахавальны, жніўны), дажынальная барада, абрадавае дрэўца (вясельнае, пахавальнае), маска, кій, крыж, (вясельныя) сцяг і “хоронга”, ідал, ікона, каравай, квітка, лялька, ладан, сноп (калядны; “дзед”), стужка, “пальма”, пудзіла, надмагілле, прыклад, труна, це-рамак» (последние четыре элемента включены также в ландшафтный код);

7) вещества: «метал, жалеза, золата, серабро, медзь, лёд, пыл, дым» (если субстанция дыма – солома, травы, мы одновременно имеем дело с растительным кодом), «воск, попел, пясок, смецце, соль», «кал (экскрэменты), мача, кроў, сала» (могут входить в соматический код), «вада, зямля, паветра, агонь, металы» (могут составлять вещественно-элементный подкод космографического кода и некоторые из этих элементов включены в метеорологический код – см. ниже);

8) стихии и природные явления (метеорологический подкод): «пажар, агонь, маланка, навальніца, бура, гром, грамавая страла, засуха, зацменне, ігра сонца, паветра, вецер, падвей, віхор, чортава вяселле, вада, дождж, хмара, туман, град, снег, іней, вясёлка, землятрус, зямля, рэха, раса»; многие из названных элементов являются составляющими акционального кода (см.: пожар, засуха, землетрясение, буря как события), который очень тесно связан с персонажным (ср.: «чортава вяселле», персонификации отдельных атмосферных явлений типа ветра, вихря, мороза) и др.

Элементы, перечисленные в пунктах «7» и «8», рассматриваются нами как полноценные составляющие космографического кода.

Заклучение

Отметим, что все перечисленные компоненты акционального, календарно-хронологического, пространственного, космографического, ландшафтного, субстантивно-го, атрибутивного кодов получают в фольклорных текстах (в широком значении термина) особую мифологическую, магическую, символическую и оценочную трактовку. Все концептуальные коды и их компоненты функционируют в тесной связи. (Еще К. Леви-Стросс, трактуя мифы и сказки как фрагменты своеобразных знаковых систем, убедительно доказал (и на это обратил внимание Е. Мелетинский), что в ряде случаев

возникают своеобразные корреспонденции между кодами социальным, технико-экономическим, лингвистическим, астрономическим, метеорологическим и т.д. Например, нарушение экзогамии или эндогамии, затмение солнца, употребление сырого мяса, засуха, нарушение ритуальной тишины и т.п. могут быть параллельным способом передачи тех же самых или очень близких сообщений).

Изучение рассмотренных и других концептуальных кодов сквозь призму компонентных и структурно-типологических характеристик позволяет более детально описать семантические поля данных кодов, что, в свою очередь, способствует более глубокому осмыслению семантики, символики и функциональности элементов кодов, а также раскрытию особенностей семантической членимости самой действительности, которая моделируется в соответствующих кодах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Петрополис, 1998. – 432 с.
2. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПб., 2004. – 704 с.
3. Архив учебной фольклорно-краеведческой лаборатории Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.
4. Валачобныя песні / склад. Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей, В.І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 560 с.
5. Байбурын, А.К. Код(ы) и обряд(ы) / А.К. Байбурын, Г.А. Левинтон // Кодови словенских култура. – Београд, 1998. – Бр. 3: Свадба. – С. 239–257.
6. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина. *Studia Ethnologica*. – Вып. 4. – АБ 60. – СПб. : Изд-во ЕУ в СПб., 2007. – С. 23–31.
7. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
8. Швед, И.А. Классификация кодов культуры: к постановке проблемы / И.А. Швед // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы искусства: история, теория, методика», г. Минск, 10–11 апр. 2014 г. / Бел. гос. пед. ун-т имени М. Танка ; редкол.: М.Р. Баразна [и др.]. – Минск : БДПУ, 2014. – С.100–104.
9. Леви-Стросс, К. Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000. – С. 121–152.
10. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. – Т. 1: А–Г. – 577 с.
11. Avilin, T.V. Astronyms in Belarussian folk beliefs / T.V. Avilin // *Archaeologia BALTICA*, Volume 10, 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://ehulit.academia.edu/TsimafeiAvinlin>. – Дата доступа : 15.03.2014.

Shved I.A., Kovalevich M.S. About Structural-typological Description of the Conceptual Codes of Belarusians Mythopoetic Thinking

The article presents some results of scientific research on the instructions of «structural-typological codes parameters of mythopoetic Belarusians worldview (by folk records of the XIX-early. XXI centuries)», that performed as part of the State program of research «History, culture, society, state» on the 2011–2015 period on the instructions of «Folk Art in the socio-cultural conditions of modern Belarus: regional diversity and communication among the Slavs concern folklore and postfolklore». As a result of structural-typological analysis of semiosphere of mythopoetic texts Belarusian tradition was established that the main components of the housing codes mythopoetical conceptual picture of the world of Belarusians are the codes: attributives, actions, space-time, cosmographic (including meteorological), landscape, substantive, character, vegetation, zoomorphic, somatic.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2014